

Все постройки мира держатся на столбах и проемах, женском и мужском началах, - рассказывает Андрей Андреевич. - Издать неакадемический поэтический сборник с дыркой, как бы пробитой пулей в чреве книги, выйти за плоскость листа мне хотелось еще в 60-х годах. В те дни осуществить эту затею было невозможно. Цензуру беспокоило, где именно пройдет эта дырка, какие строчки пострадают. Не получилось бы антисоветчины.

Как ни странно, выпустить в свет эту книгу помог тот самый сегодняшней «рынок», который «рубит» поэтов хуже цензуры. Два месяца мы с художником Андреем Дорофеевым добивались органичного сочетания стихов и рисунков, переплетающихся на страницах сборника. Опасались, что в последний момент что-нибудь сорвется и не состоится. Наконец книга с дыркой вышла в свет.

В ее причинном месте спрятаны игральные кости и фишки, с помощью которых по страницам можно гадать. В поэзии всегда есть нечто магнетическое. На орешке изображен отпечаток моего пальца, к которому эти кости притягиваются. Сборник вместил и новые, еще неизвестные читателям стихи, и те, что появлялись в газетах и журналах, заменявших мне в течение пяти последних лет издание книг.

Если вам, мэтру, опубликовать свои стихи удалось с трудом, молодым сочинителям вряд ли удастся понять, как пахнет типографская краска.

В поэзии никогда не было оранжерейных времен. В начале XX века, считающегося в нашей поэзии серебряным, тираж в несколько сот экземпляров считался хорошим. Большими издавался разве что Северянин. Кроме восторженных гимназисток и петербургской элиты, поэтов никто не знал. В двадцатые годы, когда всюду царили разруха и голод, люди жили стихами. Питаясь дрянным черным хлебом и воблой, Куз-

Андрей Вознесенский: Строки растут благодаря озарению

Даже те, кто не прочитал за всю свою жизнь ни одной стихотворной строчки, знают, что Андрей Вознесенский - великий русский поэт. Словом печать молчания, наложенную на уста сочинителей проблемами финансовой прибыли книгоиздательства, он вновь одарил своих поклонников прекрасным поэтическим сборником, как всегда неожиданным, необычным, талантливым.

мин, Гумилев, Хлебников и Маяковский создали настоящие шедевры. Вошедшая в силу советская власть одновременно уничтожала и рождала поэтов. Стиснутые ее прессом стихотворцы стремились расправиться и выскочить из тисков, как пружина.

Наше искусство густо замешено на крови. Русские поэты готовы умереть за строчку. Не случайно многие кончили жизнь самоубийством. Полуголодное существование наполняет стихи моих соотечественников такой энергией и духовностью, каких сытая западная культура не знает с тех пор, как нажралась. Если россияне будут много работать, научатся делать все вовремя и бросать пить, они со временем смогут добиться такого же благополучия, как Дания, Голландия и Швейцария вместе взятые, но утратят поэзию. Слава Богу, пока до этого далеко. Многие российские поэты еще успеют прославить державу своими стихами.

Коммерция не издает молодых. Так было всегда. И все же со времен Гомера, которого при жизни тоже не печатали, в мире нет ни одного великого поэтического произведения, которое бы осталось неопубликованным. Формул и рецептов, как составить себе имя, тьма.

- Наверное, самый простой -

научиться писать стихи лучше всех! Тогда имя, читатели и слава придут сами.

Поэзия как капуста. Первый слой понимают миллионы, второй - сотни тысяч. Кочерыжку не понимаешь ты сам. Меня давно не волнует, есть ли у моих стихов читатели и почитатели. Пишу я для себя и для Бога, то, что он мне диктует. Никогда не заставляю себя сочинять насильно. Придумываю стихи только тогда, когда ко мне приходит вдохновение, способное отобрать единственное из миллиона возможных вариантов. В такие мгновения ты себе не принадлежишь, через тебя идет поток, которому нельзя и перечить. Строки возникают и растут не по желанию, а благодаря озарению. Ведет ли тебя Бог или inferнальная сила, в такие моменты неважно.

Этот процесс не знает никаких табу. Стихи могут быть о чем угодно: женщине, нищем, политике. По сути, это дневник того, что меня волнует. Прямо на улице ко мне пришли слова: «горячая речь Чечни», которые сами собой сложились в стихи.

Не задумываясь, что получится, за столом я записываю то, что живет во мне. Сознательные исправления только ухудшают придуманное. Не было случая, чтобы

я переписал готовые стихи, если не считать цензурных дел.

- Со школьной поры мы знаем, что поэт обязан быть гражданином. Как быть, если озарение внушит поэту политические убеждения, не отвечающие концепциям его поколения и народа?

Плохо, что поэт в России до сих пор больше, чем поэт. Если больше, значит, не поэт. В каждой области нужно быть профессионалом. Я избегаю высказываться о политике. И без меня она превратилась в череду сплошных ошибок. Фрейд лучше поэтов разбирался в сексе, Маркс - в экономике. Гражданская задача сегодняшнего поэта не учить людей, как жить и что делать, а создавать качок общественного сознания, сдвинуть его в сторону мистики и сюрреализма, поскольку все традиционные методы уже были на России испробованы и себя не оправдали.

Поэт всегда живет сам по себе, вне поколения. Для него вневременные духовные связи важнее, чем мнение современников. Мое поколение - Державин, Лермонтов, Хлебников и Пастернак, не знакомые с отравившими души моих ровесников классовостью и коллективизмом.

Андрей ВЕЙМАРН.